

ТАЙНЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

Юрий Алексеев

ИВАН ВЕЛИКИЙ

ПЕРВЫЙ
«ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ»

МОСКВА
2017

УДК 94(47)“15”
ББК 63.3(2)44-8
А47

Алексеев, Юрий Георгиевич.

А47 Иван Великий. Первый «Государь всея Руси» / Юрий Алексеев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 320 с. — (Тайны Древней Руси).

ISBN 978-5-699-98096-3

Великого князя Московского, «Государя всея Руси» Ивана III Васильевича уже современники называли Великим, а Карамзин ставил даже выше Петра I. И действительно, его свершения впечатляют. Когда в 1462 году он вступил на престол, Московское княжество было окружено удельными владениями — Господина Великого Новгорода, князей тверских, ростовских, ярославских, рязанских... При Иване III, взявшем в жены наследницу последнего византийского императора Софью Палеолог, произошло объединение земель вокруг Москвы, ставшей центром единого Русского государства и «Третьим Римом», было окончательно ликвидировано татаро-монгольское иго, низведено до состояния сателлита Казанское ханство, создан первый свод законов Московской Руси — знаменитый Судебник, воздвигнут нынешний краснокирпичный Московский Кремль, появился государственный символ России — двуглавый орел с распростертыми крыльями.

Эта книга — лучшая биография одного из главных деятелей русской истории, написанная ведущим исследователем той переломной эпохи. Она приоткрывает завесу тайны над выдающимися свершениями и полной драматизма жизнью первого «ГОСУДАРЯ ВСЕЯ РУСИ».

УДК 94(47)“15”
ББК 63.3(2)44-8

ISBN 978-5-699-98096-3

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017
© ООО «Издательство «Яуза»

А. С. Пученков

***Классик российской исторической науки
Юрий Георгиевич Алексеев (1926—2017)***

13 апреля 2017 года, не дожив двух дней до своего 91-летия, в Санкт-Петербурге скончался выдающийся российский историк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Юрий Георгиевич Алексеев. Труды Ю. Г. Алексеева по истории образования Московского централизованного государства давно по праву считаются классическими. Ю. Г. Алексеев воспитал десятки учеников, многие из которых стали кандидатами и докторами наук, профессор Алексеев многократно выступал на телевидении, радио, страницах газет. Алексеева по справедливости называли патриархом петербургского исторического цеха; он был, несомненно, одним из наиболее авторитетных историков не только Санкт-Петербурга, но и России.

Каждый, кто был знаком с Юрием Георгиевичем, навсегда сохранил к нему чувство глубочайшего уважения. Объяснений этому несть числа: тут и харизма признанного мэтра, и его исключительный дар рассказчика, колоссальная эрудиция, затрагивающая самые разные стороны гуманитарного знания: история флота, вообще военного искусства, русской и зарубежной литературы, не говоря уже о колоссальном объеме

знаний по истории России; молитвенное отношение к Отечеству, чеканно точные формулировки как в устной беседе, так и в текстах работ, а главное — самоотверженная преданность своей профессии и нашей общей музе — Клио. Алексеева отличала исключительная обращенность к собеседнику, подлинный демократизм в общении, природное и абсолютно не наигранное дружелюбие. Юрий Георгиевич безусловно обладал собственным, чрезвычайно оригинальным видением отечественной истории; историк до последних дней жизни щедро делился с коллегами своими взглядами на важнейшие эпизоды нашей истории: автору этих строк приходилось слышать выступления мэтра по самым разным проблемам — и война 1812 года, и сталинские репрессии¹, не говоря уже о «коронке» Алексеева — истории военно-морского искусства... Безусловно, что по широте своего кругозора Юрий Георгиевич был эталоном настоящего университетского профессора.

Говоря о качествах Юрия Георгиевича как ученого, нельзя не отметить его исключительную идейность. Когда-то Максимилиана Робеспьера называли Неподкупным, точно такой же эпитет, в высшем смысле этого слова, можно применить и к Ю. Г. Алексеву: классик российской историографии был органически неспособен, вспоминая затасканное определение, «поступиться принципами»: иначе говоря, традициями, характерными для петербургской исторической школы, — максимальной неангажированностью, опорой на источник и, конечно же, историзмом; легковесное отношение псевдоисториков к своей работе, скоропа-

¹ http://www.rtr.spb.ru/Radio_ru/First_Person/news_detail_v.asp?id=2098; http://www.rtr.spb.ru/Radio_ru/First_Person/news_detail_v.asp?id=3582

лительность в выводах, верхоглядство были для Алексева неприемлемы. Думается, что каждому, знакомому с Юрием Георгиевичем, приходилось видеть те «разносы», которые устраивал профессор в отношении коллег «ленивых и нелюбопытных» по отношению к тому, что является высшей ценностью для историка — к поиску истины. При этом, что важно отметить, Алексеву было присуще изначально уважительное отношение к коллегам по ремеслу, исключительная доброжелательность; автору этих строк не доводилось слышать неуважительных реплик в адрес кого-либо из историков в независимости от их чина и ранга. Скажем, критикуя знаменитого историка А. А. Зимина, с которым Юрию Георгиевичу довелось приятельствовать, за, по выражению Алексева, «распутного витязя» (имеется в виду известная книга Зимина «Витязь на распутье»), герой настоящей статьи с колоссальным уважением отзывался о творчестве Зимина в целом, отмечая его выдающиеся заслуги и «способность писать хорошие тексты с потрясающей скоростью»¹.

¹ «Я прочитал ее (книгу А. А. Зимина «Витязь на распутье». — *Авт.*) еще в рукописи за один присест, был ей очень недоволен, сказал ему, что это «распутный витязь», и он очень на меня обиделся. Тогда он первый и последний раз был мной очень недоволен, хотя врагами мы не стали, и он меня так и не воспринимал. Врагами он считал тех, кто организовал его травлю за его концепцию о датировке «Слова». Ведь он шел прямо в академики, а его затравили и испортили ему жизнь. Хотя он и знал, чем рискует, знал, что может себя подставить. Ведь, в общем-то, его концепцию никто и не поддержал, кроме Я. С. Лурье. С тех пор он стал всех делить на тех, кто был «за», и тех, кто был «против». Из тех, кто был «за», был только Яков Соломонович Лурье. Очень жалко, что его дневники опубликовали, они его очень компрометируют. Зимин был очень честный и порядочный человек, но был очень честолюбив, что и проглядывает в его дневниках, он и сам всем говорил о том, что он артист и верить ему в полной мере нельзя. Шутил, конечно». (Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 11 декабря 2014 г.) «Книга его воспоминаний (имеется в виду

В центре внимания нашего героя — идея Единой России, крепкого, сильного и мудрого государства — магистральная для всего творчества профессора Алексева. Красной нитью через работы ученого проходит мысль о том, что «централизация Руси, несмотря на присущую ей специфику, в основе своей была сходна с аналогичными процессами в других странах Европы»¹. По большому счету, полагал Алексев, этот исторический процесс был необратим, ибо отвечал стремлениям всего русского народа. «Ничего нам не надо, кроме единства», — любил говорить Юрий Георгиевич². Алексева отличал глубокий патриотизм, совмещавшийся вместе с тем со стремлением ни в коей мере не затушевывать горькие и печальные страницы отечественной истории.

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаяю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Думается, что в этих известных строчках Пушкина можно увидеть и ключ к постижению того дара, которым, несомненно, обладал Ю. Г. Алексев, — талантливейшего летописца сложнейшей и зачастую трагиче-

недавно опубликованный А. Л. Хорошкевич и вызвавший широкий резонанс в научных кругах «Храм науки» А. А. Зимина, в котором содержатся жесткие, порой крайне субъективные оценки коллег по историческому цеху. — *А. П.*) вышла не вовремя. У меня нет уверенности, что он хотел, чтобы она вообще была опубликована, хотя многие из ее героев и правда сделали ему немало дурного...» (Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексевым. 3 февраля 2017 г.)

¹ *Кром М. М.* Компаративистика в творчестве Ю. Г. Алексева // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 3—4.

² Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексевым. 3 февраля 2017 г.

ской для России эпохи — эпохи борьбы нашей страны за национальную независимость и создание Единого Русского государства.

Ю. Г. Алексеев был олицетворением настоящего русского интеллигента, человек, выступающий своеобразным мостиком к традициям еще дореволюционной историографии. В подтверждение нашего тезиса достаточно обратиться к известной теории рукопожатий: Алексеев — ученик И. И. Смирнова; тот, в свою очередь, ученик Б. Д. Грекова, занимавшегося у С. Ф. Платонова... Автору этих строк неоднократно доводилось приводить в гостеприимный дом Юрия Георгиевича Алексеева своих коллег не только из Петербурга, но и из Сибири и Крыма. Впечатление от общения с Алексеевым было каждый раз ошеломляющим: гостей поражала исключительная, буквально неистовая влюбленность Алексеева в свою профессию, неподдельный интерес к самым различным проблемам исторической науки, отсутствие какого-либо снобизма, но главное — каждый человек, знакомый с Юрием Георгиевичем, понимал, что перед ним сидит великий ученый, труды которого закрывают целую эпоху российской истории. Да и сам классик историографии во многом олицетворял историю своей страны в XX веке: поступление Алексеева на истфак — это последние годы жизни Сталина; начало профессиональных занятий историей — время оттепели; защита докторской диссертации — эпоха позднего Брежнева, «застой»; наконец, начало работы уже в качестве университетского профессора, возвращение в альма-матер — 1992 год, старт гайдаровских реформ, время Бориса Ельцина и новой России. Будучи глубоко советским человеком, Алексеев крайне болезненно воспринимал рас-

пад СССР, называл его «национальной катастрофой почище Февральской революции»¹, любил говорить о достижениях советской эпохи и о заслугах персонально Сталина, имя которого упоминает в ряду наиболее крупных деятелей отечественной истории, но признавал и целый ряд «страшных вещей», по его словам, творившихся в сталинскую эпоху, соглашаясь с тем, что в последние годы жизни И. В. Сталина в обществе присутствовало ощущение «леденящего ужаса», порожденного режимом власти дряхлеющего вождя. Не жалуя Хрущева, Алексеев был убежден в том, что ему удалось избавить советских людей от чувства страха перед собственной властью, вернув свободу и честное имя миллионам репрессированных, и в этом его великая заслуга, которая, как полагал Юрий Георгиевич, была, несомненно, зачтена Никите Сергеевичу, когда он предстал перед Высшим Судией². Говоря о репрессиях предвоенной поры, Юрий Георгиевич утверждал, что для армии и общества они были «ударом, от которого страна так и не смогла оправиться к лету 1941 года»³. Без особой симпатии относясь к Горбачеву и Ельцину, Ю. Г. Алексеев, впрочем, признавал, что благодаря последнему Россия обрела «какую-никакую, но Конституцию и не распозлзлась в 90-е годы»⁴.

Путь в науку у Юрия Георгиевича был очень непростым. Ю. Г. Алексеев родился 15 апреля 1926 года в Ленинграде. Отец Юрия Георгиевича скончался в 42-м году в Ленинграде, будущий историк пережил в блокад-

¹ Из архива автора. Интервью Ю. Г. Алексеева. 6 марта 2017 г.

² Их архива автора. Интервью Ю. Г. Алексеева. 14 февраля 2017 г.

³ Из архива автора. Интервью Ю. Г. Алексеева. 5 февраля 2015 г.

⁴ Из архива автора. Интервью Ю. Г. Алексеева. 15 апреля 2012 г.

ном городе первую и самую страшную зиму; вместе с другими ленинградцами помогал тушить «зажигалки»; в феврале 1942 года Юрий вместе с мамой был эвакуирован в Тбилиси, где продолжил учебу в школе, а в 1943 году был призван в армию. С детства Юрий Георгиевич проявлял жгучий интерес к истории флота, еще ребенком выписывал «Морской сборник» и читал «Красную звезду», мечтая стать морским офицером. Мечте его суждено было сбыться, но в ноябре 1953 года из-за последствий тяжелого ранения, полученного во время учений, молодой офицер был уволен в запас в звании старшего лейтенанта. «Мог ли я представить когда-то, — любил говорить Юрий Георгиевич, — что буду не военным человеком, а историком, существом сугубо сухопутным? Я хотел быть военным моряком, плавать на «Авроре», об этом мечтал и мой батюшка»¹.

Выручило то, что еще в 1949 году Юрий Георгиевич поступил в экстернатуру исторического факультета Ленинградского государственного университета, который закончил в 1954 году. С иронией Алексеев говорил о том, что всю жизнь он страдал «двоелюбием» — «любил флот, но любил и музу Клио; двоелюбие позволило мне после того, как я уволился со службы, стать каким-никаким, но все-таки профессиональным историком»². «Главным человеком» в научной жизни Ю. Г. Алексеева, по его собственным словам³, стал его учитель — выдающийся историк Иван Иванович Смирнов, один из ярчайших наряду с Борисом Александровичем Ро-

¹ Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 5 февраля 2016 г.

² Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 20 февраля 2017 г.

³ Алексеев Ю. Г. Учитель. Наставники. Друзья // Наш дом на Менделеевской, 5: Воспоминания универсантов-историков. СПб., 2015. С. 11.

мановым представителем ленинградской исторической науки того времени¹.

Так уж получилось, что найти в университете научного руководителя Юрию Георгиевичу удалось не сразу; по определенным причинам С. Н. Валк и Б. А. Романов отказались стать кураторами Алексеева. И. И. Смирнов стал не просто научным руководителем, но и учителем Ю. Г. Алексеева. «Если бы не он, — вспоминал Юрий Георгиевич, — я бы торговал спичками на Апраксином рынке. На черта я кому нужен был? В аспирантуру взял меня... мой Иван Иванович»². «Благодаря ему, — говорил Алексей, — я стал историком; без него, не при дамах будет сказано, я был бы журналистом. Царствие ему небесное. Он был замечательный человек»³. «Смирнов — самый замечательный и интересный человек, которого я встречал в своей жизни. 15 лет — от нашего знакомства, моих первых шагов в истории и вплоть до подписания в печать моей первой книги — он был моим учителем», — говорил Ю. Г. Алексей незадолго до смерти⁴.

С 1960 года Юрий Георгиевич работает в знаменитом ЛОИИ — Ленинградском отделении Института истории АН СССР в феодальном секторе, где и проработал до начала 1990-х годов. На это время приходится расцвет ЛОИИ — здесь в это время трудятся молодые еще тогда будущие академики Б. В. Ананьич и А. А. Фурсенко, член-корреспондент Р. Ш. Ганелин,

¹ См.: *Панейх В. М.* Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // *Историографические этюды*. СПб., 2005. С. 187—222.

² *Алексеев Ю. Г.* Учитель. Наставники. Друзья... С. 12.

³ Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 11 декабря 2014 г.

⁴ Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 20 февраля 2017 г.

такие выдающиеся исследователи, как В. М. Панеях, А. Н. Цамутали, Н. Е. Носов, М. Б. Свердлов и многие другие. ЛОИИ стало олицетворением традиций преемственности между еще дореволюционной (стараниями Б. А. Романова, ученики которого стали костяком двух отделов института — «феодалов» (В. М. Панеях) и «империалистов», или, по словам Алексева, «виттеранов» (Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич) ленинградской, а затем и выросшей из нее корнями уже петербургской историческими школами. На время работы в ЛОИИ пришлось годы и творческого расцвета Ю. Г. Алексева — здесь он защитил кандидатскую (1963 г.), а затем и докторскую (1980 г.) диссертации.

В 1992 году Юрий Георгиевич перешел на работу на родной истфак уже Санкт-Петербургского университета, где и продолжал работу до последнего дня своей жизни. За без малого 60 лет научной деятельности Юрием Георгиевичем было опубликовано около 200 работ, из них 9 монографий¹. Труды Юрия Георги-

¹ *Алексеев Ю. Г.* 1) Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд / Отв. ред. И. И. Смирнов. М.—Л., 1966; 2) Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. / Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1980; 3) Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; 4) Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991; 5) «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991; 6) Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992; 7) У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления в XIV—XV вв. СПб., 1998; 8) Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001; 9) Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. Превосходный анализ исторических взглядов Ю. Г. Алексева см.: *Петров К. В.* Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV—XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 6—30; *Штыков Н. В.* Юрий Георгиевич Алексеев — профессор Санкт-Петербургского государственного университета // Русское Средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 3—9.

евича с фотографической точностью не только воссоздают событийный ряд XIV—XV столетий, но и позволяют нам понять мотивацию поступков исторических личностей той эпохи, а также необратимую предопределенность превращения порабощенной и раздираемой внутренними противоречиями Руси в могучую и единую Россию. Историка отличала не только исключительная взвешенность и осторожность в оценках, но и исключительно ясный и доходчивый стиль изложения; Ю. Г. Алексеев — не только превосходный аналитик, но и блестящий стилист, его книги читаются легко и с увлечением.

Несомненно, что главным героем Алексеева-историка являлся Иван Великий — Иван III, государь всея Руси¹. Именно так называется самая, пожалуй, известная широкому кругу читателей книга Юрия Георгиевича, вышедшая в далеком 1991 году заоблачным для современного времени тиражом 175 000 экземпляров.

Написанная в жанре научно-популярной биографии, книга стала не только бестселлером, но и непреходящей классикой. Сам Юрий Георгиевич, отличительной чертой которого была исключительная скромность, как-то заявил в присутствии автора этих строк: «Работа, я считаю, мне удалась, хотя научпоп я писать не умел. У меня всего две книги в стиле научпоп: эта и еще одна в ленинградском издательстве — «К Москве хотим». Закат боярской республики в Новгороде». Научпоп — очень трудный жанр. Тут требуются особые

¹ По справедливому определению В. О. Ключевского, закрепление за Иваном III титула «государь всея Руси» ставило его обладателя в «положение творца национального единства и блюстителя национальных интересов». (См.: *Ключевский В. О. Сочинения*. В 9 т. Т. VI. Специальные курсы / Под ред. В. Л. Янина; послесл. Р. А. Киреевой; коммент. составили В. Г. Зими́на, Р. А. Киреева. М., 1989. С. 305.)

способности. Научпоп — это второй эшелон исторической науки, если считать первым собственно научные исследования, а третий эшелон — учебник»¹.

Алексеев был далек от идеализации своего героя Ивана Великого, да и других героев своих книг в целом. И эпоха Ивана III, и предшествовавшая ей кровавая и бессмысленная феодальная война были временем, удивительно напомиравшим знаменитые «Исторические хроники» гениального Шекспира — те же предательство, алчность, коварство, жестокость, непомерное честолюбие властителей, а как следствие всего этого — кровь и несчастья простого народа. Воистину нельзя не согласиться с афоризмом Ключевского, по словам которого «закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности»².

Иван III был человеком своего времени. «Приукрашивать облик Ивана III нет ни необходимости, ни возможности. Его образ не окружен поэтическим ореолом. Перед нами — суровый прагматик, а не рыцарственный герой. Каковы бы ни были личные переживания и чувства великого князя Ивана Васильевича, он умел держать их при себе, и они навсегда остались тайной для потомков, как, возможно, и для современников... Величественная и грозная фигура «господаря» заслоняет образ реального человека с его страстями и слабостями. Он был стратегом, дипломатом, законодателем, но прежде всего строителем нового Русского государства. История Ивана III — история его поли-

¹ Юрий Георгиевич Алексеев о Николае Николаевиче Покровском // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI—XXI вв. / Отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2015. С. 488.

² Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 3.